

Жасминовый пепел

Денис Белевцев-Белый

18+

Денис Белевцев-Белый

Жасминовый пепел

«Автор»

2026

Белевцев-Белый Д.

Жасминовый пепел / Д. Белевцев-Белый — «Автор», 2026

Двенадцать лет он рисовал её, оставаясь тенью. Она не знала о его существовании, пока однажды не получила письмо без обратного адреса: «Приходите. Я буду сидеть на скамейке со стороны востока». Так Камилла встретила Адриана — художника с разноцветными глазами, который болен раком, биполярным расстройством и любовью к ней. Но их счастье оказывается под угрозой: бывший муж Камиллы, опасный и богатый, идёт на всё, чтобы уничтожить соперника. Поддельные заявления, слежка, суд — и настоящая война за право любить. Жасминовый пепел — это история о том, как из сгоревшего прошлого вырастает самая нежная и отчаянная любовь.

© Белевцев-Белый Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Утро с привкусом горечи	5
Глава 2: Мужчина, который пахнет дождём и грозой	6
Глава 3: Скамейка со стороны востока	7
Глава 4: Исповедь на гравии	9
Глава 5: Мастерская на чердаке мира	11
Глава 6: Чай и обнажённые нервы	13
Глава 7: Кровать, которая помнит	16
Глава 8: Утро, которое пахло ложью	19
Глава 9: Жанна, спасительница в кроссовках	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Жасминовый пепел

Глава 1: Утро с привкусом горечи

Она проснулась от того, что кто-то смотрел. Это не было слухом или зрением — скорее, седьмым чувством, которое обостряется у тех, кто слишком долго жил взаперти. Камилла села на кровати, и простыня цвета топлёного молока сползла с её плеча, открывая родинку чуть выше ключицы — ту самую, о которой он когда-то сказал: «Это карта, где зарыто моё самообладание». Но сейчас в комнате никого не было. Только утренний свет, бледный, как разбавленное водой шампанское, пробивался сквозь кружевные занавески. На старом дубовом полу — пляшущие тени. За окном — Париж, но не глянцевого, не открыточного, а другой: с облупившимися ставнями, с запахом кофе и одиночества, с воробьями, которые ссорятся на карнизе из-за чёрствой горбушки. Она была красива той красотой, которую не замечаешь сразу. Не «вау», а «ой». Впалые щёки, руки с тонкими запястьями, будто их выточили из слоновой кости, но забыли отполировать. Глаза — цвета штормового моря, серо-зелёные, с глубокими тенями под ними, словно она не спала неделю. Ей тридцать два, но иногда в зеркале мелькает девочка-подросток: испуганная, с чуть приоткрытым ртом и вечными вопросами во взгляде. Камилла работает корректором в маленьком издательстве на улице Шерш-Миди. Работа тихая, почти монашеская: вылавливать ошибки в чужих текстах, убирать лишние запятые, возвращать смысл туда, где он рассыпался. «Ты чистишь чужую грязь», — сказал ей однажды бывший муж, и в этом было столько презрения, что она запомнила каждую интонацию, каждое дрожание его губ. Она встала. Пол под ногами скрипнул — жалобно, по-собачьи. Накинула халат: старый, выцветший шёлк, который помнил их первую ночь. Глупо, конечно, хранить такое. Но женщина — это музей своих собственных надежд, даже тех, что давно превратились в пыль. На кухне она налила себе чёрный кофе — горький, без сахара, как её характер, как она сама себе внушала. В окно напротив было видно, как месье Дюбуа, восьмидесятилетний сосед, поливает герань на балконе. Она знала, что сегодня вторник, потому что по вторникам он надевает бордовый кардиган. Эти маленькие ритуалы держали её на плаву, когда внутри всё рушилось. Она не знала, что уже через три часа её жизнь войдёт в штопор, который закончится либо полётом, либо падением. Или тем и другим одновременно.

Глава 2: Мужчина, который пахнет дождём и грозой

В издательство она пришла ровно к девяти, как всегда. В вестибюле пахло старой бумагой и воском для пола. Мадам Клодетт, секретарша с застывшим лицом манекена, подняла на неё глаза:

— Вам письмо. Без обратного адреса. Только имя: «А.».

Камилла взяла конверт — плотная бумага цвета слоновой кости, никаких помарок. Внутри — один лист, и на нём от руки, чернилами, которые пахли так же, как в детстве у деда:

«Вы не знаете меня, но я знаю каждую деталь вашей жизни. Не бойтесь. Я не сталкер. Я — тот, кто был рядом всё это время, но вы меня не видели. Приходите сегодня в шесть в Оранжевую Люксембургского сада. Я буду сидеть на скамейке со стороны востока. Узнаете меня по шарфу цвета запёкшейся крови.

Я не прошу вас верить мне. Я прошу вас прийти. И потом вы сами решите, кто я: ангел или демон, спасение или гибель.

А.»

Она перечитала три раза. Рука дрожала. Не от страха — нет, Камила давно уже ничего не боялась в обыденном смысле. Её страх был глубже: она боялась чуда. Боялась, что если чудо всё-таки придёт, она не выдержит его веса.

Весь день она не могла работать. Смотрела в экран, видела буквы, но они складывались не в слова, а в образ: мужчина в шарфе цвета запёкшейся крови. Она представляла его по-разному: то как студента-бунтаря с горящими глазами, то как уставшего аристократа с печатью утраты на лице. Но каждый раз в её воображении он смотрел прямо на неё, и этот взгляд имел физическую силу, как прикосновение к шее.

Она ждала шесть часов так, будто от этого зависело её дальнейшее дыхание.

Глава 3: Скамейка со стороны востока

Люксембургский сад в шесть вечера — это опера, в которой поют свет и тени. Деревья уже начинали золотиться, но сентябрьское солнце ещё не сдалось: оно лежало на гравии длинными рыжими полосами, заставляя фонтан светиться изнутри.

Она вошла через восточные ворота. Сердце колотилось где-то в горле, пульсировало в кончиках пальцев. Она оделась так, будто собиралась на свидание, хотя клялась себе, что это не свидание. Чёрное платье-футляр, которое подчёркивало талию, но не кричало «смотри на меня». Туфли на среднем каблучке — чтобы можно было убежать, если что. Волосы распущены: русые, с прядями, выгоревшими до серебра.

Она увидела его сразу.

Он сидел на скамейке, положив ногу на ногу, и читал книгу. Вблизи она разглядела: тёмные волосы с проседью на висках (ему под сорок, хотя могло быть и тридцать пять), резкий профиль — нос с горбинкой, скулы, которые можно было бы назвать грубыми, если бы не удивительная мягкость губ. Он был одет в тёмно-серое пальто, под ним — чёрная водолазка, и да, на шее небрежно намотан шарф. Того самого цвета. Густого, тёмно-вишнёвого, оттенка старого вина или крови, которая только начала сворачиваться.

Он поднял голову, когда она остановилась в трёх шагах от него.

И тут случилось то, чего Камилла не ожидала. Его глаза оказались странными. Один — тёмно-карий, почти чёрный. А второй — зелёный, болотный, с золотой искрой у зрачка. Гетерохромия. Природа ошиблась, но ошиблась так красиво, что хотелось плакать.

— Вы пришли, — сказал он. Голос низкий, с хрипотцой, будто он не спал несколько ночей или много курил. Впрочем, и то и другое могло быть правдой.

— Кто вы? — спросила Камилла. Голос не дрогнул — она умела это делать, прятать дрожь под броней слов.

Он закрыл книгу. Она заметила корешок: «Песнь о Нибелунгах», средневерхненемецкий текст. Редкость.

— Я человек, который много лет назад написал вам письмо. Вы его не получили. Его перехватили.

— Кто?

— Ваш бывший муж.

Она почувствовала, как пол уходит из-под ног. Села на скамейку рядом — слишком близко, потому что ноги не держали. От него пахло дождём, табаком и ещё чем-то неуловимым, сладковатым и пряным — возможно, амбра или старое дерево.

— Это невозможно, — сказала она. — Мы с ним расстались пять лет назад. Вы хотите сказать, что всё это время

— Всё это время я был рядом. Не как мужчина, который шпионит. Как тень, которую вы не замечаете, но которая согревает вас в холодные ночи. Я знаю, что вы плачете по вторникам, потому что по вторникам он звонил и обещал вернуться. Я знаю, что вы ненавидите запах гвоздик, потому что ими был завален гроб вашей матери. Я знаю, что вы, когда остаётесь одна, танцуете под песню «La Mer» и представляете, что вас обнимает кто-то, кому вы нужны.

Слёзы хлынули сами. Не истерика — тихое, молчаливое наводнение, когда вода поднимается медленно, но неумолимо.

— Кто вы, чёрт возьми? — прошептала она.

Он взял её руку. Его ладонь была горячей, шершавой на подушечках пальцев — как у человека, который работает руками, а не только головой.

— Меня зовут Адриан. И я тот, кто смотрел на вас со стены вашей спальни. Только не пугайтесь. Я художник. Я нарисовал ваш портрет двенадцать лет назад, когда вы сидели в кафе «Два мельника» и читали Кафку. Я влюбился в вас с первого взгляда. И с тех пор не могу перестать.

Глава 4: Исповедь на гравии

Она высвободила руку — резко, будто обожглась.

— Это безумие. Вы понимаете, что это звучит как бред параноика?

— Понимаю. — Адриан не обиделся. Напротив, в его разноцветных глазах появилось что-то вроде уважения. — Поэтому я и не показывался раньше. Я ждал, когда вы будете готовы. Но ваш муж он находил мои письма. Перехватывал. И делал всё, чтобы вы думали, что вы одна в этом мире.

— А теперь он ушёл из жизни? — Она не знала, почему спросила именно так.

— Не из жизни. Из вашей жизни. Он женился на другой, но перед этим сжёг все мои письма в вашем камине. Я видел пепел. Я стоял под вашими окнами в тот вечер. Вы пили вино и слушали Брея. Я запомнил каждую ноту.

Камилла закрыла лицо руками. Сквозь пальцы она видела, как дети бегают вокруг фонтана, как старуха кормит голубей, как мир продолжает быть абсурдно нормальным, пока у неё внутри рушится всё, что она считала правдой.

— Зачем вы говорите мне это сейчас? — спросила она в ладони.

— Потому что я умираю.

Она опустила руки. Посмотрела на него. Вблизи он был бледнее, чем казался издали. Под глазами — синева, почти как у неё самой. И он чуть заметно дрожал, хотя вечер был тёплым.

— Что значит «умираю»?

— Рак поджелудочной. Мне сказали в марте. Сначала я думал не говорить вам — не хотел, чтобы вы пришли из жалости. Но потом понял, что жалость — это тоже чувство. А я за двенадцать лет ни разу не услышал от вас ни одного слова. Даже плохого. Даже «идите к чёрту». Я хочу умереть, зная, что вы знаете.

— Вы псих, — сказала она. Но в этом слове не было злости. Было что-то другое: восхищение, смешанное с ужасом и нежностью. — Вы больной, одержимый псих.

— Да, — согласился Адриан. — Я рисовал вас сотни раз. Глазами, углём, акварелью, кровью — однажды я поранился и сделал набросок своей кровью, потому что в ней, мне казалось, есть частица вас. Я знаю, это патология. Но вы спросили, кто я. Я — человек, который выбрал вас. Не потому что вы красивее других. А потому что вы — моя Родина.

Эти слова ударили её в солнечное сплетение. Она вдруг осознала: всю жизнь её никто не выбирал. Родители — случайность. Муж — привычка. Работа — необходимость. А здесь сидел мужчина с разноцветными глазами, пахнущий дождём, и говорил ей то, что она никогда не слышала, но всю жизнь ждала.

— Покажите мне портреты, — сказала она.

— Это опасно.

— Почему?

— Потому что если вы их увидите, вы больше не сможете быть прежней. Вы увидите себя такой, какой вас видит любовь. А это зеркало не разбивается.

Она посмотрела ему в глаза — сначала в тёмно-карий, потом в зелёный, с золотой искрой.

— Я уже не прежняя, Адриан. С того момента, как села рядом с вами.

Он медленно, очень медленно, будто боясь спугнуть, улыбнулся. И в этой улыбке было что-то детское, беззащитное, что заставило её сердце сжаться до размеров лесного ореха.

— Тогда идёмте. Моя мастерская в двух кварталах отсюда.

Он протянул руку. Она вложила свою.

Гравий хрустел под ногами, как битое стекло. Или как лёд, который наконец-то тронулся.

Глава 5: Мастерская на чердаке мира

Они шли молча. Не потому, что не о чем было говорить — скорее, от избытка. Камилла чувствовала его тепло через рукава пальто, слышала его дыхание — чуть учащённое, с лёгким присвистом. Она боялась спросить про болезнь, боялась спросить про возраст, боялась спросить, почему он никогда не подошёл раньше. Вопросы рассыпались бы, как бусы с порванной нити, а она не хотела ронять их на мостовую.

Адриан привёл её к дому на рю де ля Гранд-Шомьер — узкой улице, где время застыло где-то в начале прошлого века. Фасад был покрыт тёмной штукатуркой, кое-где облупившейся, как старая кожа. Входная дверь — дубовая, с массивной ручкой в виде львиной головы. Он достал ключ — не современный, а длинный, амбарный, с бородкой, похожей на средневековый орнамент.

— Вы живёте в другой эпохе, — заметила Камилла.

— Я живу там, где есть место тишине, — ответил он, открывая дверь.

За ней оказалась лестница. Узкая, винтовая, с каменными ступенями, стёсанными миллионами шагов. Пахло сыростью, масляной краской и чем-то неуловимо сладким — может быть, старыми розами. Камилла подумала: «Если бы я писала сценарий для фильма, я бы сделала эту лестницу длиннее». Но она была именно такой, как надо: каждый пролёт — как этап посвящения.

Они поднимались на пятый этаж. Последний марш был особенно крутым, и Адриан обернулся:

— Дайте руку.

Она уже держала. Но теперь он переплёл свои пальцы с её иначе — не как провожатый, а как тот, кто боится потерять. И в этом жесте было что-то древнее, почти библейское: «Кто обрёл друга, тот обрёл сокровище».

Дверь мастерской оказалась не заперта. Он толкнул её плечом — руки были заняты её ладонью, и, видимо, не хотел отпускать. И Камилла вдруг поняла: он не прикасался к женщине очень долго. Так долго, что забыл, как это — брать чужую руку, не думая о последствиях.

Она переступила порог и замерла.

Мастерская была огромной. Во всю стену — окно, выходящее на крыши Парижа. Сейчас, в сумерках, небо над городом стало фиолетовым, с прожилками заката, похожими на вены. И в этом свете всё пространство напоминало алтарь. Алтарь, посвящённый ей.

Потому что на всех стенах — от пола до потолка — висели портреты. Её портреты. Камилла узнавала себя в каждой детали: вот она смеётся за чашкой кофе, вот она спит, свернувшись калачиком, вот она читает, наклонив голову, вот она плачет, прикусив губу. Есть акварели, есть масло, есть уголь, есть сепия, есть пастель. Есть совсем маленькие, размером с ладонь, и есть огромные, в человеческий рост.

— Боже мой, — прошептала она и почувствовала, что задыхается. — Сколько их?

— Сто сорок два. Не считая тех, которые я уничтожил. Потому что они были фальшивыми — я рисовал не вас, а своё представление о вас. А хотел рисовать только правду.

Она медленно пошла вдоль стены. На одном портрете она была в белом платье, которого у неё никогда не было. «Я дорисовал, — сказал Адриан, будто прочитав её мысли, — потому что мечтал увидеть вас в таком. На нашей свадьбе».

— Вы безумец, — повторила она, но теперь это звучало иначе. Теперь это звучало как признание в любви.

— Возможно, — он стоял у окна, и свет падал на его лицо так, что разноцветные глаза горели, как два фонаря — один тёплый, другой холодный. — Но разве любовь не узаконенное безумие? Просто люди договорились называть это нормой. Я не умею притворяться.

Она подошла к портрету, который висел в центре, над каминной полкой. Это был самый большой, метра два в высоту. На нём она стояла у раскрытого окна, в одной простыне, и ветер играл с её волосами. Глаза у портретной Камиллы были полузакрыты, губы чуть приоткрыты, и всё лицо светилось той интимной, почти запретной нежностью, которую женщина показывает только себе самой в ванной перед сном.

— Откуда вы это видели? — спросила она севшим голосом.

— Я не видел. Я чувствовал. Я знаю вашу душу лучше, чем вы сами. — Он приблизился. Теперь они стояли в полуметре друг от друга. — Вы боитесь, что если кто-то увидит вас настоящую — без брони, без улыбки для коллег, без ролей, — он отвернётся. Но я видел. И не отвёрнулся. Я хотел ещё.

Слёзы снова хлынули. Она не вытирала их. Пусть текут. Пусть видят все сто сорок две Камиллы на стенах, что их оригинал умеет плакать не только по вторникам.

Глава 6: Чай и обнажённые нервы

Он вскипятил воду в маленьком медном чайнике. Пока заваривался чай — эрл грей с бергамотом, её любимый, откуда он знал? — Камилла сидела в старом кожаном кресле, которое помнило, наверное, ещё Модильяни. На журнальном столике лежали книги: Рильке на немецком, Цветаева на русском, Павич на сербском. И маленькая тетрадь в коже — дневник? — перевязанная чёрной лентой.

— Не читайте этого, — сказал Адриан, заметив её взгляд. — Пока. Там слишком много боли. Моей. Вам не нужно это нести.

— А что мне нужно?

— Выпить чай. И позволить мне сделать ваш портрет сейчас. Прямо здесь. Прямо таким, какой вы есть.

Она усмехнулась сквозь слёзы:

— Я выгляжу ужасно. Распухший нос, красные глаза...

— Идеально. — Он уже доставал холст, угли, кисти. — Вы красивы своей правдой. Я ненавижу глянец. Глянец — это маска смерти. А вы живая. И я хочу запомнить вас живой.

Слово «запомнить» ударило под дых. Она вспомнила: он умирает. Этот человек с горячими руками и разноцветными глазами, который писал её двенадцать лет, умирает. И она не знала его ещё два часа назад, а теперь чувствует так, будто теряет мужа, брата, ребёнка и лучшую подругу одновременно.

— Садитесь у окна, — сказал он мягко. — Пусть свет падает слева. Смотрите на меня. И не старайтесь быть красивой. Будьте собой.

Она села. Свет от уличного фонаря — уже наступила ночь — ложился на её лицо янтарной полосой. Она смотрела на него, как он быстро, почти яростно набрасывал контуры. Уголь хрустел по шероховатой бумаге. Адриан работал молча, но это молчание было плотным, тягучим, как мёд. Она вдруг поняла, что присутствует при чём-то сакральном: художник творит возлюбленную. Не модель — возлюбленную. Это не портрет, это молитва.

Через час он отложил уголь.

— Готово. Идите смотрите.

Она подошла. И обомлела.

На бумаге была не она. Была женщина, которую она никогда не видела в зеркале: с глазами, полными огня, с губами, которые вот-вот улыбнутся, с изгибом шеи, напоминающим стебель лилии. В каждой линии — нежность. В каждом штрихе — поклонение.

— Это не я, — прошептала Камилла.

— Это вы, — сказал Адриан. — Просто вы никогда не видели себя моими глазами. А я не вру. Я умираю. Какая мне выгода врать?

Она повернулась к нему. Их разделяло всего несколько сантиметров. Она чувствовала его дыхание — горьковатое, с нотками чая и, возможно, лекарств. Его рука, та, что держала уголь, теперь свободно висела вдоль тела. Камилла медленно, как во сне, подняла свою ладонь и коснулась его щеки.

Кожа была горячей. И шершавой от небритой за день щетины.

— Почему вы ждали двенадцать лет? — спросила она. — Почему не подошли в тот первый раз, в кафе?

— Потому что я боялся, что вы скажете «нет», — ответил он. — А «нет» от вас убил бы меня быстрее, чем любой рак.

— Я никогда не сказала бы «нет» человеку, который смотрит на меня как на чудо.

— Вы не знали этого тогда.

— А вы не знали меня. Вы знали только своё представление обо мне.

— Да, — он чуть наклонил голову, касаясь её ладони щекой, как кот, который ищет тепло. — Но представление длиной в двенадцать лет становится правдой. Я выучил вас. Я знаю, что вы зевааете, когда нервничаете, и прикусываете нижнюю губу, когда хотите заплакать. Я знаю, что вы любите дождь, потому что в дождь никто не видит ваших слёз. Я знаю, что вы боитесь не одиночества — вы боитесь, что одиночество окажется справедливым. Что вы действительно никому не нужны.

Она всхлипнула. И сделала то, о чём не думала, просто сделала: встала на цыпочки и поцеловала его.

Не в губы. В уголок рта. Туда, где прячутся первые морщины. Медленно, благоговейно, как целуют икону.

Адриан замер. Весь. Даже дыхание остановилось. Потом его руки — обе сразу — легли ей на талию, и он притянул её к себе так осторожно, будто она была сделана из воздуха.

— Если ты пожалеешь об этом утром, — прошептал он, переходя на «ты», — я пойму. Я уйду. Ты никогда меня больше не увидишь. Я оставлю тебе ключи от мастерской, и всё, что здесь есть, будет твоим. Но только знай: сейчас, в эту секунду, я счастлив. Впервые за двенадцать лет. Настоящим, не нарисованным счастьем.

— Не уходи, — сказала она. — Пожалуйста. Я не знаю, зачем ты появился, но если ты исчезнешь сейчас, я умру от вопроса «а что было бы, если бы я осталась?».

Он посмотрел на неё. Разноцветные глаза блестели в полумраке мастерской. И в них было что-то волчье — голодное, дикое, но приручённое. Только ею. Только сейчас.

— Тогда остаюсь, — сказал он. — Но предупреждаю: я сложный человек. Я ревнив даже к теням. Я не умею говорить красивые комплименты, только страшную правду. У меня нет денег, нет будущего, есть только ты и эти стены. И рак, который, возможно, решит всё за нас. Ты готова к этому?

— А ты готов к тому, что я тоже сложная? — спросила она, не отстраняясь. — Я после развода не доверяю мужчинам. Я проверяю карманы, мобильные, я могу устроить сцену из-за ничего, я

Он закрыл ей рот поцелуем.

Нежным. Очень нежным. Почти невесомым. Как будто они оба боялись разбить друг друга.

И в этом поцелуе было всё: двенадцать лет одиночества, сто сорок два портрета, запах дождя, вкус чая, звук шагов по гравию. И обещание — не вечности, а мгновения. Но такого, которое стоит вечности.

Глава 7: Кровать, которая помнит

Они не занимались любовью в ту ночь. Нет, это было бы слишком просто, слишком кинематографично. Вместо этого они сидели на полу мастерской, пили уже остывший чай и говорили. Говорили так, как говорят только два человека, которые знают, что времени мало.

— Расскажи мне о своей первой картине, — попросила Камилла.

— Я нарисовал дерево, — сказал Адриан. — Мне было пять лет. Мать повесила рисунок на холодильник. Отец сказал: «Не позорься, иди в футбол». Я пошёл в футбол. И ненавидел каждый день. А потом, когда мне было двадцать, я напился и нарисовал дерево. То же самое. И понял, что потерял пятнадцать лет, пытаюсь быть не собой.

— А когда вы когда ты начал рисовать меня?

— Первый портрет — в тот самый день, в кафе «Два мельника». Ты сидела с «Процессом» Кафки и улыбалась. Над книгой, где человека убивает система — и это смешно? Я подумал: эта женщина видит мир иначе. Она смотрит на ужас и находит в нём абсурд. С ней не страшно.

— Со мной страшно, — возразила она. — Я иногда просыпаюсь ночью и кричу. Мне снятся кошмары, где я падаю в пустоту.

— А ты знаешь, что падение — это полёт, которому не хватает веры?

— Это ты сейчас придумал?

— Это Рильке. Я перевёл для тебя. Хочешь, прочитаю?

Она кивнула. Он достал томик с полки — потрёпанный, с закладками из старых билетов. Открыл на заложенном месте и прочитал тихо, почти шёпотом:

«Если твоя повседневность кажется тебе бедной, не жалуйся на неё; жалуйся на самого себя, на то, что ты недостаточно поэт, чтобы вызвать её богатства...»

— Поэт — это я, — сказала она вдруг. — Я хотела писать. С детства. Но муж сказал: «Корректурщик — стабильность, а поэзия — блажь». И я стала вылавливать чужие ошибки вместо того, чтобы создавать свои смыслы.

— Он украл у тебя будущее, — спокойно сказал Адриан. — Но будущее можно украсть только у того, кто его отдаёт. Ты ведь не отдала до конца, да?

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты пришла. На скамейку. К незнакомцу в шарфе цвета запёкшейся крови. Ты пришла, потому что внутри тебя живёт надежда. Её невозможно убить. Можно только закопать глубоко. Но она прорастает. Сквозь бетон.

Ночью он постелил ей на своей кровати — огромной, с льняными простынями, пахнущими лавандой. Сам лёг на диване. Она попросила его остаться.

— Мы не будем спать вместе, — сказал он. — Я имею в виду — в одном смысле. Пока. Потому что я хочу, чтобы ты выбрала меня не в жалости, не в отчаянии, не в приступе ночной сентиментальности. А трезво. Утром. На холодную голову.

— Ты невыносим, — прошептала она, засыпая.

— Я знаю, — он укрыл её пледом. — Спи. Я буду рядом.

И он действительно сидел рядом всю ночь. На полу, прислонившись к кровати, и слушал её дыхание. Иногда она вздрагивала во сне, и тогда он гладил её по голове, повторяя: «Ты не одна. Ты не одна». Она успокаивалась.

Никто никогда не охранял её сны. Она привыкла быть часовым самой себе. А тут — чужой мужчина, почти незнакомец, сидит у изголовья и отгоняет кошмары, как мальчишка отгоняет собак камнями.

Утром она проснулась от запаха кофе и жареного хлеба. Адриан стоял у маленькой плиты в фартуке, напевая что-то на немецком. Увидел, что она открыла глаза, и сказал:

— Доброе утро. Кофе чёрный. Сахар — на столе. Я не знал, сколько ты кладёшь.

— Один кусок, — сказала она. — Но ты и так знал. Ты всё знаешь.

— Не всё, — он подошёл и протянул ей кружку. — Я не знаю, каково это — быть любимым тобой. Надеюсь, когда-нибудь узнаю.

Она взяла кружку. Их пальцы встретились. И от этого прикосновения по всему телу разлилось тепло, не имеющее отношения к кофе.

— Адриан, — сказала она. — Ты говорил, что умираешь. Когда? Сколько у тебя времени?

Он помолчал. Поставил свою кружку на стол. Сел напротив неё.

— По версии врачей — от трёх до шести месяцев. По моей версии — я не собираюсь умирать, пока не сделаю то, ради чего жил.

— Что это?

— Написать картину, от которой ты забудешь все свои страхи.

— Это невозможно.

— Возможно. — Он взял её за руку. — Потому что я видел, как ты смотрела на свой портрет у окна. Ты улыбнулась. Впервые за вечер. Ты улыбнулась себе. Это и есть моя победа.

Она заплакала снова — но теперь это были слёзы облегчения. Слёзы человека, который наконец-то перестал тонуть и понял, что под ним — не бездна, а чьи-то руки.

Глава 8: Утро, которое пахло ложью

Она проснулась от того, что простыня рядом была холодной. Совсем холодной, как будто на ней никто не спал. Камилла открыла глаза — серый парижский рассвет сочился сквозь огромное окно мастерской, ложился на пол длинными, призрачными полосами. Диван, на котором Адриан провёл ночь, был пуст, но одеяло аккуратно сложено, подушка помята — он всё-таки лежал, просто встал очень рано.— Адриан? — позвала она. Голос прозвучал глухо, по-утреннему хрипло. Никто не ответил. Она встала. Пол под ногами был ледяным — дерево старого Парижа, которое никогда не прогревается до конца. Накинула его халат, висевший на спинке стула. Он был ей велик, рукава свисали, и в этом была странная нежность — быть завернутой в его запах, в его тепло, пусть и остаточное.— Адриан! — громче. Тишина. Только воробьи за окном и где-то далеко — сирена «скорой». Мастерская молчала. Сто сорок две Камиллы на стенах смотрели на неё с немым сочувствием. На кухонном столе стояла чашка с недопитым кофе — её вчерашняя. Рядом — лист бумаги, вырванный из той самой тетради в коже, перевязанной чёрной лентой. На нём было написано торопливым, почти неразборчивым почерком: «Камилла, прости. Я не могу. Не потому что не хочу. А потому что хочу слишком сильно. Ты заслуживаешь не умирающего художника с билетом в один конец. Ты заслуживаешь жизни. А меня, возможно, уже не будет через полгода. Я не имею права врывать в твою жизнь, чтобы через мгновение выпасть из неё, оставив воронку. Не ищи меня. Пожалуйста. Это будет легче для нас обоих. P.S. Ключи от мастерской — под ковриком у двери. Всё, что здесь есть, — твоё. Я хочу, чтобы ты помнила: ты была моей Родиной. Даже если я — изгнанник. Адриан» Она перечитала три раза. Четыре. Потом смяла лист, развернула, прочитала снова. Слёзы не шли — была пустота. Такая огромная, что она физически ощущала её в груди: вакуум, который засасывает воздух, тепло, надежду.— Нет, — сказала она вслух. — Нет, чёрт возьми. Так не делают. Не после вчерашнего. Она заметалась по мастерской. Открыла шкаф — его вещи висели на месте: пальто, водолазки, старый свитер с дыркой на локте. Значит, он ушёл не навсегда? Или взял только самое необходимое? Проверила обувь — ботинки на месте, кроссовки тоже. Он ушёл босиком? Бред. Значит, была другая обувь, которую она не заметила. Ванная комната — маленькая, с медными трубами и зеркалом в потёках. Его зубная щётка на месте. Бритва — тоже. Полотенце влажное — он мылся сегодня утром. Значит, ушёл недавно. Она бросилась к окну — улица внизу была пуста, только мусорщик катил зелёный бак.— Ты не мог далеко уйти, — прошептала она. — Ты болен. У тебя рак. Куда ты пошёл? И тут её осенило. Она бросилась к столу, где вчера видела пачку документов. Белый конверт, плотный, без надписей. Внутри — медицинские справки, на французском, с печатями больницы Cochin. Камилла пробежала их глазами. Дата первого обследования — март этого года. Диагноз: аденокарцинома поджелудочной железы, стадия 3. Операция невозможна, химиотерапия — паллиативная. Всё сходилось. Но был один документ, который заставил её сердце остановиться, а потом забиться с удвоенной силой. Результат повторной биопсии, сделанной две недели назад. И там, в графе «Заключение», было написано: «Признаков злокачественного новообразования не выявлено. Рекомендовано дополнительное обследование для исключения ошибки первичной диагностики». — Что за — она перечитала пять раз. Ошибка? Рак прошёл? Или его не было? Или был, но исчез? Такое бывает? Она не знала. Она была корректором, а не врачом. Она выхватила телефон. Набрала номер единственного человека, которому доверяла в этом городе, — своей подруги Жанны, которая работала медсестрой в той самой больнице Cochin.— Жанна, привет, это Камилла. Мне нужна твоя помощь. Экстренно.— Ты плачешь? — спросила Жанна своим низким, прокуреным голосом. — Что случилось? Опять этот козёл-бывший?— Хуже. Я влюбилась в умирающего художника, который, кажется, не умирает. И он

сбежал.— Медленно и по порядку. Где ты?— На рю де ля Гранд-Шомьер. В его мастерской.— Сиди. Через двадцать минут буду с круассанами и большим запасом здравого смысла.

Глава 9: Жанна, спасительница в кроссовках

Жанна ворвалась в мастерскую, как ураган — в разноцветных легинсах, с синими волосами, собранными в пучок, и с рюкзаком, из которого торчала бутылка вина. Она была полной противоположностью Камиллы: громкая, резкая, с широкими бёдрами и руками, которые помнили сотни больничных смен. Но дружили они пятнадцать лет — с тех пор, как Жанна вытащила Камиллу из клуба, куда та пришла после первого разрыва с мужем и где её пытался облапать какой-то тип в кожаной куртке. — Показывай, — сказала Жанна, окидывая мастерскую взглядом. — О, мать твою Это всё ты? — Да. — А он это всё нарисовал? — Да. — И он тебя ни разу не трахнул за двенадцать лет? — Жанна присвистнула. — Это или святой, или психиатрический случай. Показывай документы. Камилла протянула ей бумаги. Жанна читала молча, двигая губами. Потом подняла глаза — в них было что-то новое, незнакомое: сочувствие, да, но и профессиональный холод. — Слушай, Камилла. Первая биопсия показывает рак. Вторая — чистую ткань. Такое бывает. В двух случаях: первая была с ошибкой — перепутали образцы, такое случается редко, но случается. Или рак был, но ушёл спонтанно. Это ещё реже, но медицинская литература описывает такие феномены. Иммунная система иногда побеждает. — Так он болен или нет? — Сейчас — скорее нет. Но он думает, что да. Или — Жанна замялась. — Или он знает, что не болен, но использует это как предлог. — Зачем? — Люди сбегают от счастья. Знаешь такая болезнь — херофобия? Боязнь быть счастливым, потому что счастье — это уязвимость. А если ты уязвим — тебя могут ранить. Гораздо безопаснее быть несчастным, но контролируемым. Камилла опустила на пол. Села, обхватив колени, как в детстве, когда пряталась от отцовского крика в шкафу. — Что мне делать, Жанна? — Найти его. И спросить прямо: «Ты болен или боишься?» Ответ будет в глазах. Больной человек смотрит с обречённостью. Боящийся — с надеждой, которую он сам душит. — Я не знаю, где он. — А ты подумай. Куда бы он пошёл? Что он любил? Какие места в Париже для него святы? Камилла закрыла глаза. Вспомнила вчерашний разговор. Он говорил, что часто сидел на набережной Сены, у моста Искусств, смотрел на закаты. Говорил, что ходил в маленький кинотеатр «Кристин-Синема-Клуб», где крутят старого Феллини. Говорил, что любит кладбище Пер-Лашез — не из-за смерти, а из-за тишины, которая там живёт. — Кладбище, — сказала она. — Он пошёл на кладбище. — В семь утра? — Он странный. — Ладно. — Жанна поднялась. — Я звоню в больницу, пробиваю его по базе. Может, он туда пошёл — за новыми справками или за направлением. А ты беги в Пер-Лашез. И вот что, — она вытащила из рюкзака газовый баллончик. — Держи. Вдруг он не святой, а маньяк. Камилла рассмеялась — нервно, с икотой, почти истерично. — Если он маньяк, то самый романтичный маньяк в истории Парижа. — Романтичные маньяки самые опасные, — серьёзно сказала Жанна. — Они не насилуют тело. Они насилуют душу. А потом ты всю жизнь ходишь с чувством, что тебя ограбили. Беги, но будь осторожна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.